

О НЕКОТОРЫХ НЕДОСТАТКАХ В РАЗРАБОТКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И НОМЕНКЛАТУРЫ

И. Г. Пидопличко

(Институт зоологии АН УССР)

Нет необходимости доказывать то очевидное положение, что недвусмысленная, точная, четкая, понятная и грамматически правильная научная терминология и номенклатура в любой отрасли знания имеют важное значение не только для научных работников, но и для большой армии учащихся, овладевающих основами той или иной науки, а также для практиков, повседневно внедряющих достижения науки в народное хозяйство и культуру. Если с этой точки зрения подойти к терминологии и номенклатуре в области зоологии, то не трудно заметить в их разработке много недостатков, затрудняющих или осложняющих овладение зоологическими знаниями.

Первым и весьма существенным недостатком является то, что филологи, разрабатывающие затронутые вопросы, нередко скатываются на позиции научно неоправданной терминологии и номенклатуры, которые они называют народными, а вернее будет называть их бытовыми, противопоставляя их строго научной терминологии и номенклатуре, а зоологи со своей стороны игнорируют научные основы словообразования, нередко усложняют и делают терминологию и номенклатуру непонятными там, где это усложнение не является необходимым. В 1963 г. на страницах газеты «Літературна Україна» (от 28 мая, с. 3) один из поборников народной, т. е. бытовой, терминологии П. Ловецкий обрушился на научную украинскую орнитологическую номенклатуру, объявив, что она «не понятна народу и не признается им». Чтобы понять, чего же хочет П. Ловецкий, можно указать, например на то, что он предлагает название рода *ворона* (*Corvus*) заменить названием *гава*. Но ведь первое название не менее народно, чем второе. Кроме того, последнее название, действительно, очень широко распространенное на Украине, применяется в быту в равной мере к трем видам рода *Corvus* — вороне (*C. corone*), галке (*C. monedula*) и грачу (*C. frugilegus*). Таким образом, нет никакой надобности заменять уже прочно вошедшие в научную номенклатуру, взятые из народной речи упомянутые названия вороны, галки и грача.

Примерно с таких же неверных позиций некоторые филологи противопоставляют украинское народное название *кажан*, применяемое ко всякой летучей мыши, принятым в научной номенклатуре названиям родов *кожан* (*Eptesicus*) и *кожанок* (*Aublyotus*), отбрасывая последние как ненародные. Но от народа, в данном случае подразумевается от людей, специально не изучающих ту или иную группу животных, нельзя требовать детального знания систематики, предопределяющей четкое разграничение многих родственных родов и видов животных и растений. Особенно это немислимо в случаях с народными бытовыми названиями, появившимися сотни лет назад и очень часто не

отражающими действительного положения вещей: каждое такое название, как правило, обобщает ряд родов и видов. Например, как в русской, так и в украинской бытовой речи под названием *кобчик* фигурирует не менее четырех разных видов мелких соколов (кобчик, дербник, пустельга обыкновенная и степная), принадлежащих к одному роду, а под названием *сова* около десяти видов, принадлежащих к разным родам — неясыть (*Strix*), сипуха (*Tyto*), белая сова (*Nyctea*), ястребиная сова (*Surnia*) и др. Таким образом, созданные в свое время бытовые обобщенные народные названия тех или иных групп животных не соответствуют требованиям современной научной систематики, и поэтому не случайно выработалась международная номенклатура (на основе древнего латинского и нового искусственного латинского языков) животных и растений, во многих случаях настолько дифференцированная, что ни на одном языке народов мира ей нет эквивалентов. Тем не менее на любом литературном языке, используемом и для научных работ, создается своя научная номенклатура и терминология, призванные определять наиболее широко применяемые в научных и научно-популярных работах понятия.

Характерной особенностью нашего времени является процесс перехода многих научных названий, данных животным и растениям учеными-систематиками, в бытовой язык того или иного народа, т. е. в лексикон, определяемый некоторыми филологами как сугубо народный.

Так, большие кости ископаемых животных с древних времен рассматривались восточнославянскими народами как принадлежащие великанам, или волотам. Но в настоящее время точно установлены животные, которым принадлежат большие ископаемые кости, и этим животным даны научные названия *мамонт* (имеет книжное происхождение и существует с XVIII ст.), *динозавр*, что значит страшный ящер (появилось в середине XIX ст.), и др., которые вошли в повседневную речь широких масс, т. е. стали народными в том смысле, как это понимают некоторые филологи.

Греческое слово *паразит*, что значит *дармоед*, вошло в бытовой язык многих народов и приобрело в некоторых местах даже ругательное значение. Таким образом, вопрос может ставиться лишь о том, чтобы терминология и номенклатура были точны и удобопроизносимы, ибо только в таком случае они рано или поздно могут стать народными, т. е. широко распространенными, тем более, что в нашей стране в связи с общим ростом грамотности и культуры населения этот процесс уже начался. Известны сотни примеров, когда типичные названия животных и растений, созданные на латинской основе (такие как *филлоксеры*, *трихограмма*, *теленормус*, *хризантема*, *гладиолус* и др.), вошли не только в лексиконы работников сельского хозяйства, но вообще в разговорную речь.

Таким образом, используя и уважая богатства народной речи, нельзя забывать о развитии научных понятий и определений, научных терминов и названий и об их упорядочении.

К чему приводит иногда ряжение научных понятий в бытовую, так называемую народную тогу, можно видеть на ряде примеров. Так, на Украине в некоторых издательствах редакторы с филологическим образованием с упорством, далеко не достойным подражания, применяют название *черепашка* для обозначения раковины — скелетного образования, свойственного многим группам животных: простейшим, некоторым ракообразным, плеченогим, моллюскам. Слово *черепашка* одновременно обозначает и маленькую черепаху, и живого моллюска, и клопа-черепашку и весьма неточно передает то морфологическое по-

нятие, которое четко определяется словом *раковина* — идет ли речь о раковине как скелетном образовании, или об ушной раковине, или, наконец, об изделии, напоминающем раковину. Название *черепашка*, обозначающее в народной терминологии некоторых живых моллюсков, часто действительно напоминающих маленькую черепаху, необоснованно перенесено на раковину вообще как скелетное образование. Таким образом, это слово (*черепашка*) в украинской научной терминологии может быть оставлено только применительно к некоторым живым организмам, а не к их скелетным образованиям, широко распространенным у животных.

Было бы однако несправедливо думать, что несуразности в области зоологической терминологии и номенклатуры, подобные приведенным выше, свойственны только украинским изданиям. Во многих учебниках и пособиях, изданных большими тиражами на русском языке, мы видим то же самое. Так, в «Определителе млекопитающих СССР» Н. А. Бобринского, Б. А. Кузнецова и А. П. Кузякина (изд. 1943 г.) дельфины из рода *фоцена* (*Phocaena*) называются морскими свиньями. При этом родовое название *Phocaena* в русской номенклатуре обозначено двумя словами — *морская свинья*, а родовые названия *Neomeris* и *Phocaenoides* обозначены уже тремя словами — *бесперая морская свинья* и *белокрылая морская свинья*. Следовательно, при обозначении рода тремя словами видовое название будет состоять уже из четырех слов. Такое усложнение русской номенклатуры весьма непрактично, а самое главное — не вызывается необходимостью, так как, например, для той же *фоцены* существует неплохое отечественное название *пыхтун*. Если бы почему-либо подобные русские названия не подошли, то гораздо точнее и практичнее было бы скалькировать хорошо и точно звучащие латинские названия — *фоцена*, *неомерис* и *фоценоидес*, что принято некоторыми специалистами. Названные авторы, конечно, сами понимали неудобство трехсловных родовых названий, ибо в том же определителе, изданном в 1965 г., тройные родовые названия дельфинов сведены к двойным — *морская свинья* (*Phocaena*), *белокрылая свинья* (*Phocaenoides*), *бесперая свинья* (*Neomeris*). Однако и подобное упрощение родовых названий дельфинов нельзя признать удовлетворительным не только по форме (громоздкость), но и по существу. Речь идет о том, что у современных неискушенных читателей, особенно у учащихся, с понятием *свинья*, даже в сочетании с *морская*, ассоциируется всем известная свинья рода *Sus*; к тому же гораздо точнее представление о морских свиньях передает широко распространенное в настоящее время книжное слово *дельфин*. Таким образом, если уже создавать родовые двойные названия для рассматриваемых китообразных, то лучше в качестве основного принять название *дельфин*, а не *свинья* и писать не *бесперая свинья*, а *бесперый дельфин*, не *белокрылая свинья*, а *белоплавниковый дельфин* и т. д. Название *морская свинья*, созданное в свое время моряками на том основании, что у дельфина большой слой жира (сала), как у свиньи, несмотря на его традиционность, нуждается в замене.

Нельзя не заметить, что сохранение некоторых морских языковых традиций не всегда оправдано. Если для широкого круга читателей не понятно, почему «по-морскому» нужно говорить не *кóмпас*, а *ком-пáс*, не *ра́порт*, а *рапо́рт* и т. д., то еще более непонятно, почему в научной номенклатуре насаждаются такие неточные, еще средневековые названия морских животных, как *морская свинья*, *морской слон*, *морской леопард*, *морской лев*, *морская собака*, *морской заяц* и др., хотя эти морские животные не имеют ни малейшего сходства с их назем-

ными тезками. При этом нужно иметь в виду, что существуют параллельные очень удачные названия для некоторых из упомянутых животных, не вводящие в ассоциативное заблуждение читателей.

Например, в том же определителе млекопитающих Н. А. Бобринского, Б. А. Кузнецова и А. П. Кузякина тюлень *Erignathus barbatus* назван в обоих изданиях *морским зайцем*, но этот же тюлень имеет другое очень хорошее отечественное название *лахтак*, которое и должно быть закреплено за этим животным.

Не меньшая, чем в случае с «морскими» названиями животных, существует путаница в названиях с водяными животными. Чаще всего пишут: *водяной ослик*, *водяной скорпион*, *водяной козел*, *водяная крыса*, *водяная курочка*, а по отношению к растениям — *водяной орех*, *водяной перец*, *водяной папоротник* и пр., но в то же время не менее часто пишут: *водные животные*, *водные растения*, *водный клещ*, *водный клоп* и т. п. Здесь речь идет о непоследовательности. Если названные выше животные и растения — *водяные*, то и совокупность их должна быть *водяной*, а не *водной*. Следовательно, нужно писать *водяные животные* и *водяные растения*, но *водные растворы*, *водные просторы* и пр.

Возвращаясь к научным названиям, касающимся систематики млекопитающих (на примере того же определителя млекопитающих СССР), необходимо указать на непоследовательность и научную неточность применения родового названия *кабан*. Как известно, в русском и украинском языках название *кабан* обозначает самца свиньи. В охотничьем же лексиконе, не отличающемся пока научной точностью, слово *кабан* стало применяться к обозначению дикой свиньи вообще. И вот, вместо того, чтобы поправить охотников, зоологи в данном случае пошли у них на поводу и родовое название *свинья* (*Sus*) сами начали передавать словом *кабан*. Необходимо отметить, что такой классик отечественной зоологической номенклатуры, как К. Ф. Кесслер для рода *Sus* применял название *свинья*, а не *кабан*. Следовательно, род *Sus* правильнее называть *свинья*, а слово *кабан* должно обозначать самца представителей этого рода.

Затронув охотничью терминологию, в плен которой нередко попадают зоологи, особенно твердо нужно подчеркнуть несуразность наименования не только в газетных статьях, но и в научных изданиях козули (*Capreolus*) — представителя семейства оленей — *козой*, так как слово *коза* (*козел*) в русской и украинской номенклатуре должно обозначать родовое название рода *Capra*. Нельзя не отметить еще одной несуразности, связанной с родовым названием *коза*, или *козел*, с одной стороны, и названием *тур*, с другой. Мы с детства привыкли ассоциировать с названием *тур* образ дикого быка, обитавшего на территории нашей страны до начала XVII ст. и воспетого в древних песнях, сказках и легендах как символ силы. Под названием *тур* этот бык неоднократно упоминается и в русских летописях. В связи с этим вполне закономерно, что слово *тур* вошло в отечественную зоологическую номенклатуру как видовое название вымершего представителя рода бык (*Bos*) — быка первобытного (*Bos primigenius*). Однако в данном случае по вине исключительно зоологов в научную литературу начали внедрять название *тур* для обозначения родового названия других представителей семейства полорогих (т. е. того же семейства, к которому принадлежит тур-бык), а именно кавказских диких козлов. Так, козла западнокавказского (*Capra severtzovi*) называют западнокавказским туром, а козла восточнокавказского (*Capra cylindricornis*) — восточнокавказским туром. Двойное значение названия *тур*

при обозначении животных, принадлежащих к одному и тому же семейству, было введено даже в учебники зоологии, например в «Курсе зоологии позвоночных животных» Д. Н. Кашкарова и В. В. Станчинского (изд. 1935 г.), что нужно признать не просто ошибкой, но и редакторской неряшливостью. При всех обстоятельствах для русской научной зоологической номенклатуры применение для рода козел (*Capra*) названия *тур* неправомерно. В научной зоологической номенклатуре народов Кавказа широко распространенное в их национальных языках название *тур* (козел) для обозначения рода *Capra* может быть использовано, так как там это название не будет одновременно обозначать первобытного быка. В русской же научной зоологической номенклатуре дуализм названия *тур* недопустим.

Нежелательна в научной номенклатуре также омонимия. Можно проиллюстрировать нашу мысль на примере из того же «Определителя млекопитающих СССР». Род грызунов *Ochotona* назван в нем пищухой. В определителе птиц СССР этим же словом назван род птиц *Certhia*. Разумно ли это с точки зрения человека, знакомящегося впервые с зоологией? Конечно нет, тем более, что для обозначения рода *Ochotona* есть прекрасное русское название — *сенокосец*, или *сенокоска*. Следовательно, в этом случае название *пищуха* нужно оставить за родом птиц *Certhia*, а род грызунов *Ochotona* обозначать словом *сенокосец*.

Случаев неоправданной омонимии в номенклатуре, посвященной животным и растениям, довольно много (сравни *канна* — антилопа, *канна* — растение из класса однодольных, *морской заяц* — тюлень и *морской заяц* — моллюск из подкласса заднежаберных; *касатка* — ласточка (*Hirundo*), *касатка* — утка (*Anas falcata*), *касатка* — дельфин (*Orca*); *казарка* — долгоносик (*Rhynchites*), *казарка* — дикий гусь (*Branta*) и т. д.), и нельзя считать это явление нормальным. Поэтому вполне оправдано введение рядом зоологов такой дифференциации, как *козарка* — долгоносик, но *казарка* — гусь, *касатка* — ласточка, но *косатка* — дельфин и т. п.

На основании изложенного можно сделать вывод, что вопросы упорядочения отечественной зоологической (и ботанической) номенклатуры еще далеко не решены и на них необходимо обращать серьезное внимание при составлении учебников, определителей, сводок и других пособий.

В краткой статье невозможно осветить все аспекты затронутой проблемы, так как этих аспектов довольно много. Необходимо, например, заменить некоторые даже латинские названия животных, данные представителям нашей фауны исследователями иностранцами, использовавшими для этой цели некоторые не вполне литературные, а иногда и вовсе нелитературные слова. Например, И. Гюldenштедт в 1770 г. дал перевязке обыкновенной видовое название *peregusna*, взяв его из бытового украинского языка, хотя это название (*перезузня*) не вполне литературно. Многие исследователи и теперь передают видовое латинское название перевязки, как *peregusna*, хотя есть другое вполне литературное название *sarmatica*, данное ей в 1767 г. П. Палласом. Естественно, что название *sarmatica*, и должно применяться для видового обозначения этого представителя рода *Vormela* тем более, что это вытекает и из правила приоритета. Следовательно, полное латинское название обыкновенной перевязки должно быть *Vormela sarmatica* Pall. Из тех же соображений нужно считать вполне закономерным закрепление в украинской научной номенклатуре названия *лелек* для обозначения родового названия аиста (*Ciconia*) вместо *черногуз*.

Несколько иначе обстоит вопрос с латинским названием подольского слепыша. В 1909 г. венгерский зоолог Л. Мегели назвал этого слепыша *Spalax polonicus*. Любопытный читатель, разобрав сущность латинского названия *S. polonicus*, будет вправе считать, что этот вид грызунов водится в Польше (*polonicus* — значит польский), но именно там его нет. Таким образом, в самом латинском международном научном названии кроется ошибка, которая в данном случае легко исправима, ибо существует другое, более точное латинское название — *Spalax podolicus*. По вопросу об этом названии уже была дискуссия, выводы из которой свелись к тому, что по правилам приоритета нужно оставить название Л. Мегели, хотя оно и неточное. Но ведь нет правил без исключений, тем более, что Т. Пеннант ввел название *podolicus* еще в 1771 г., хотя и не выполнил всех правил присвоения латинского наименования животным, поскольку эти правила были разработаны позже. В 1777 г. Й.-Х. Эркслебен назвал этого слепыша *Glis zemni*, в связи с чем уже согласно правилам приоритета С. И. Огнев назвал его *Spalax zemni* Erxleb., т. е. слепышом земляным.

Вопрос о правильном написании научных зоологических терминов имеет важное принципиальное и познавательное значение. В наше время широкие массы читателей проявляют большой интерес к происхождению слов и к буквальному значению тех или иных иностранных терминов, вошедших в отечественные языки. В порядке самообразования они пользуются для перевода терминов иностранными словарями, в том числе греческими и латинскими. Исходя из этого, нельзя допускать вольностей в переводе часто встречающихся слов-приставок, происходящих из греческого языка (например, *архео-* — древний, *палео-* — давний, *нео-* — новый) или латинского, однако такие вольности в переводе определенных биологических терминов есть.

Например, древнейшие люди, появившиеся на Земле, называются археантропами (от греческих слов *архатос* — древний и *άνθρωπος* — человек); люди, появившиеся позднее археантропов, называются палеантропами, т. е. давними людьми (от греческих слов *παλαιός* — давний и *άνθρωπος* — человек), наконец, новые люди, появившиеся после палеантропов, называются неантропами (от греческих слов *νέος* — новый и *άνθρωπος* — человек). Казалось бы, все ясно. Однако в некоторых случаях из чисто субъективных побуждений начинают писать *археантроп*, *палеантроп*, *неантроп*. Конечно, при определенном толковании древнегреческих слов можно написать и так, но нужно ли это делать, если учесть, что огромное количество сложных слов, вошедших в наши языки из греческого, начинается с *архео-*, *палео-*, *нео-*, представляющих собой полные, неукороченные основы. Поэтому в интересах понимания генезиса слов нет надобности видоизменять указанные и другие широко распространенные древнегреческие и латинские основы. К этому циклу терминов относятся и такие, как *палеоантропология*, *палеоазиатский*, *палеозоология*, *палеоэтнология*, *палеоарктический* и т. д. Однако последние два понятия по произволу авторов пишутся также *палеэтнология*, *палеарктический*. То же касается слов, начинающихся с *нео-*. Например, уже упоминавшиеся слова *неантроп*, *Неоарктика*, *неоарктический* иногда произвольно пишутся, как *неантроп*, *Неарктика*, *неарктический* и пр. В таких сокращениях нет никакой надобности. Больше того, сокращенные древнегреческие основы при переводе искажают суть понятия и делают непонятной семантику слов. Если, например, читатель названные слова примет за гибридные, т. е. состоящие в данном случае из латинского *не* (*не*) и частей грече-

ских слов, то латинское *ne* будет обозначать *действительный*, следовательно, термин *неоарктический*, превратившийся в *неарктический*, по семантике будет обозначать не *новоарктический*, а *действительно арктический*, что, кроме недоразумений, ни к чему не приведет.

Нам известны также случаи, когда малоподготовленные читатели укороченное латинское слово *нео-* переводили как звучащее по-русски отрицание *не* и поэтому *неарктический* они понимали как не относящийся к Арктике. Такие же недоразумения возникают при субъективной замене *палео-* на *пала-* или *пале-*, в первом случае при переводе с латинского слово будет обозначать *заступ* и получится переводная бессмыслица. Подобные неудобства ряд исследователей понимает и, отказываясь от понятия *неарктический*, пишут правильно *неоарктический*, но в то же время, сказав «а», не говорят «б» и пишут по-старому вместо *палеоарктический* — *палеарктический*.

На основании изложенного мы считаем, что в написании всех сложных слов, начинающихся с *палео-* и *нео-*, нужно быть последовательными и писать эти части слов полностью, несокращенно, т. е. *палеоазиатский*, *палеоэтнология*, *палеоантропология*, *Палеоарктика*, *Неоарктика*, *неоантропы* и т. д. Это же относится и к написанию такого термина, как *борео-арктический*, состоящего из части *борео-*, означающей в греческом и латинском языках понятие *северный*, и понятия *арктический*. В этом термине *борео-* иногда сокращают до *боре-* — и пишут *бореарктический*, что, как это вытекает из всего сказанного выше, является неоправданным субъективизмом, вносящим неточность в семантику слов.

Ослабление внимания зоологов к номенклатуре и терминологии видно также из того, что в ряде издательств, особенно в бывшем «Сельхозгизе» и его преемниках «Колосе» и «Урожае», своеобразной модификации подверглись даже такие классические научные понятия, как животное, микроорганизм и жизнь. Частыми стали такие нелепые выражения как «животные и птицы», «животные и рыбы». Грубейшие ошибки имеются даже в заглавиях ряда книг, изданных в последние годы. Так, в 1961 г. Московская ветеринарная академия издала брошюру И. А. Бакулова под названием «Листереллез сельскохозяйственных животных и птиц». Подобные безграмотные названия появлялись и в других изданиях.

В отношении понятия *микроорганизм* необходимо сказать, что распространенное в настоящее время безоговорочное его противопоставление понятиям *животное* и *растение* неправильно. Такое противопоставление возможно только в том случае, если действительное положение микроорганизмов, например вирусов, в системе органического мира еще не установлено, т. е. не известно, животное это или растение. Выражение же «животные, растения и микроорганизмы» искажает научный смысл, ибо животным противопоставляются животные микроскопических размеров (например, простейшие), а растениям — микроскопические растения (например, бактерии).

Нет четкости и в трактовке понятия *жизнь*. При всех определениях живое является антиподом неживого. Следовательно, если читатель-биолог видит в библиотечном каталоге книгу Е. В. Болдакова «Жизнь рек» (изд. 1951 г.) или В. А. Варсанофьевой «Жизнь гор» (изд. 1955 г.), то он вправе ожидать, что в этих книгах должны быть материалы об органическом мире рек и гор, в действительности там об этом нет ни слова. Оказывается книги, имеющие в своем заглавии слово *жизнь*, повествуют о развитии рек и гор. Само собой понятно, что такоевольное обращение с понятием *жизнь* недопустимо. Иногда ссылаются на

то, что так можно говорить в целях популяризации знаний. Но в том то и дело, что подобная «популяризация» не содействует распространению научных знаний, а мешает этому, засоряя знания неискушенных людей неправильными представлениями, вытекающими из терминологической небрежности.

Много несуразностей встречается при формулировании названий книг, научных тем, лекций и пр. Так, в свое время была издана книга «Паразитология и патология Западного Памира» (изд. 1940 г.). Трудно даже представить, почему появляется подобный научный брак,— то ли вместо названий точных, таких, как «О паразитах человека и домашних животных Памира и патологических явлениях, вызываемых ими», издателям захотелось назвать книгу кратко вопреки здравому смыслу, то ли в данном случае мы имеем дело с явной некомпетентностью. Но в любом случае такого небрежного отношения к заглавиям книг, к названиям лекций и пр. допускать нельзя.

Под флагом популяризации и неоправданного приспособления к бытовому языку часто в печатных работах собирательное название домашних птиц во множественном числе обозначают словом *птица* вместо *птицы*. Особенно широко практикуют эту форму сельскохозяйственные издательства. Например, такие названия книг, как «Разведение домашних птиц», «Болезни домашних птиц» и т. д., даются редко, чаще всего эти книги называются «Разведение домашней птицы», «Болезни домашней птицы» и т. д. Подобная беспринципность, кроме путаницы, в научную литературу ничего не вносит.

Несколько более сложными для зоологов являются случаи, когда речь идет о названиях работ, повествующих о тех или иных группах животных отдельных местностей. Если, например, название работы «Птицы Карпат» не вызывает недоумения, то в отношении таких названий, как «Вши Карпат», «Блохи Карпат», «Клопы Карпат», возникают законные сомнения — правомочны ли они? В данном случае речь идет о полностью или частично паразитических животных, которые паразитируют не на Карпатах, а на тех или иных представителях органического мира Карпат. Следовательно, в данном случае правомочными могут быть названия такого типа, как «Вши фауны Карпат», «Блохи фауны Карпат», «Клопы фауны Карпат» и т. д. Если же группа животных не является полностью или частично паразитической и животные действительно живут в разных биотопах Карпат, то тогда нет особого смысла употреблять выражения «Бабочки фауны Карпат» или «Жуки фауны Карпат», а лучше писать просто «Бабочки Карпат», «Жуки Карпат» и т. д.

В данной статье мы затронули лишь небольшую часть нерешенных или спорных вопросов, касающихся зоологической номенклатуры и терминологии, но мы и не ставили своей задачей дать полный обзор недостатков в данной области научной деятельности или сразу разрешить все недоразумения и споры. Нашей целью было обратить внимание зоологов и других специалистов на необходимость разработки и применения четкой, точной, удобопроизносимой, согласованной, последовательной и логичной научной номенклатуры и терминологии.

Поступила 15.III 1967 г.